

Исторические науки

УДК 93/94

П.В. Прохода

Прохода Павел Викторович, кандидат исторических наук, доцент кафедры истории, культурологии и музееведения Краснодарского государственного института культуры (Краснодар, ул. им. 40-летия Победы, 33), e-mail: sebek06@mail.ru

ПРЕСТУПЛЕНИЯ ОККУПАЦИОННОЙ ВЛАСТИ НА КУБАНИ В 1942–1943 ГГ. В ДОКУМЕНТАХ ПОСЛЕВОЕННОГО ПЕРИОДА

Статья посвящена проблеме сохранения исторической памяти в Великой Отечественной войне на примере оккупации Кубани в 1942–1943 гг.

Ключевые слова: Великая Отечественная война, музеи, фашизм, Кубань, партизанское движение, экспонаты, историческая память.

P.V. Prokhoda

Prokhoda Pavel Victorovich, candidate of historical sciences, associate professor of department of history, cultural studies and museology of the Krasnodar state institute of culture (33, im. 40-letiya Pobedy st., Krasnodar), e-mail: sebek06@mail.ru

CRIMES OF THE OCCUPATIONAL POWER OF KUBAN IN 1942-1943 IN THE DOCUMENTS OF THE POST-WAR

The article is devoted to the problem of preserving the historical memory of the Great Patriotic War on the example of the occupation of the Kuban in 1942–1943.

Key words: World War II, museums, fascism, Kuban, partisan movement, exhibits, historical memory.

Население Кубани за годы Великой Отечественной войны сократилось почти на 480 тысяч человек, составляя на 1 января 1945 г. 2823000 человек [1].

Первые месяцы оккупации Краснодара можно охарактеризовать несколькими словами – массовые убийства, введение нового порядка и изъятие сельскохозяйственной продукции у населения [17]. Необходимо отметить, что прибывшая из Ростова "Зондеркоманда СС-10-а" начала применять в городе и крае «душегубки», в результате чего, в соответствии с данными Нюрнбергского процесса, было убито около 6700 человек [1, с. 299]. Однако сегодня исследователи называют число жертв, превышающее 7000 человек [8, с. 507].

«Зондеркоманда СС-10-а» разыскивала и казнила «подозрительных» людей, пленных, политических работников, красноармейцев, партизан и евреев. Нюрнбергский международный военный трибунал признал преступными штурмовые отряды – СА, охранные отряды – СС, службу безопасности – СД, государственную тайную полицию – гестапо. Те, кто служил в этих органах, убивал и грабил мирных жителей, объявлялись вне закона, а срок их преследования был неограничен [17].

Карательное подразделение «Зондеркоманда СС-10-а» насчитывало около 200 человек, ими руководил немецкий подполковник Курт Кристман. Немецкие офицеры, военные врачи, а также сотрудники гестапо,

переводчики – все эти лица содействовали разрушению советского общества и насилию над людьми [12, с. 2]. Курт Кристман, по общедоступным источникам, известен как организатор массовых казней в Ростове, Краснодаре, Ейске, Новороссийске, Мозыри, лично отвечал за истребление европейских евреев в период Холокоста. В начале августа 1942 г. военизированное формирование продолжило свою деятельность в Краснодаре [2].

За период с 9 августа 1942 г. до 12 февраля 1943 г. были жестоко убиты 13 тысяч жителей Краснодара, из них более 7000 были убиты в «душегубках». «Душегубкой», или «газенвагеном», называли 5-7-тонный грузовик обычно серого цвета с дизельным двигателем, внутри покрытый оцинкованным железом и снабженный в задней части кузова двустворчатой герметически закрывающейся дверью. С пола через решетку по специальной трубе с отверстиями, соединенной с выхлопной трубой, в кузов поступали отработанные газы, содержащие окись углерода высокой концентрации, запертые в машине люди задыхались и умирали. Подобные газовые камеры, предназначенные для массового уничтожения людей, впервые были применены в конце 1941 года в Киеве, Полтаве, Риге, с весны 1942 года – в Сербии и Краснодарском крае [12, с. 2].

22 августа 1942 г. таким способом были убиты более трехсот пациентов Краснодарской городской больницы, а руководил этим сотрудник гестапо доктор Герц, который передал главному врачу Башлаеву, что больные немедленно должны быть «убраны» из больницы, согласно новому распоряжению немецкого руководства. В прибывший газонепроницаемый фургон погрузили около 80 человек, и в течение двух часов машина произвела четыре рейса, отравленных газом людей отвозили к противотанковому рву у ЗИП. Очевидец Мохно подтвердил это и добавил, что после этого машина подъехала к корпусу с больными мужчинами, где, согласно приказу, всех мужчин, способных самостоятельно передвигаться, необходимо было раздеть и завести в машину [12, с. 2]. Любое

сопротивление подавлялось, а тяжелобольных грузили в автомобиль на носилках [8, с. 462].

Заметка из газеты «Колхозная правда» за июль 1943 года сообщает, что однажды в момент погрузки больных в машину на территорию больницы явился за справкой выписавшийся задолго до того житель г. Краснодара Котов Иван Иванович. Его увидел один из немецких офицеров и толкнул в «душегубку». Находясь внутри, Иван Иванович увидел вокруг себя много кричащих и стонущих людей, которые обезумели от предчувствия смерти. За ним в «душегубку» были брошены еще пять человек, дверь закрыли, и машина тронулась. Во время движения он почувствовал, что начал задыхаться и сорвал с себя рубашку, смочил ее собственной мочой и закрыл нос и рот, после чего почувствовал облегчение, но все же потерял сознание, очнулся уже в рве с разбросанными трупами [12, с. 2].

23 сентября 1942 года большая темно-серая автомашина прибыла в детскую краевую больницу. Перед тем, как начать грузить детей в машину, немецкий офицер спросил у работников о численности и национальности детей. Их забирали под предлогом поездки в Ставрополь, но даже не разрешили одеться. Работница больницы Иноземцева рассказала: «дети были только в трусиках и майках, они сопротивлялись, молили о помощи, кричали, плакали и пытались удержаться за санитаров и врачей». После изгнания немцев из Краснодара были вскрыты детские погребения, которые представляли собой месиво из детских трупов в майках и трусиках, на которых были штампы детской краевой больницы [16, с. 78].

В декабре 1942 года под контролем заместителя бургомистра Краснодара В.Н. Петрова новое руководство осуществило перепись населения и составило три списка. В первый список входили коренные жители; во втором списке были зафиксированы те, кто прибыл после начала войны, а в особый третий список, не подлежавший оглашению, были вписаны коммунисты, евреи, партизаны, красноармейцы и другие «политически неблагонадежные лица» – они подвергались аресту и

уничтожению без разбирательств [4, с. 597]. Граждане, которые помогали этим людям, также подвергались наказанию.

Из разведсводки № 6 краевого Управления НКВД от 12.09.1942 года известно, что в городе в рамках перерегистрации жителей создана еврейская община, которая проводила регистрацию отдельно, а большая часть еврейского населения уже вывезена в неизвестном направлении [8, с. 460]. 21 августа 1942 года немцы при помощи профессора музыки Наума Исааковича Вилика под видом отправки на работу собрали все еврейское население города и расстреляли за заводом измерительных приборов. В знак протеста на улице Красной в тот день собралось большое количество краснодарцев, однако все они были разогнаны полицией [8, с. 460]. В сентябре в Майкопе еврейское население также было «вывезено неизвестно куда», нет сомнений, что судьба этих людей закончилась так же трагично, как и жителей Краснодара [17].

Нередкими были явления, когда новая власть обманным путем собирала большое количество людей в целях истребления или угона в Германию. Акт Усть-Лабинской районной комиссии по установлению и расследованию злодеяний немецко-фашистских захватчиков содержит данные о массовой казни 8.12.1942 года четырехсот человек в станице Усть-Лабинской, где местная полиция под предлогом эвакуации расстреляла жителей. В тот день десятилетний сын доктора Пинкинзона Муся был убит во время исполнения на скрипке «Интернационала» [8, с. 650].

Все мужское население поселка Михизеева Поляна отправилось на фронт, а по возвращении солдаты обнаружили не родные дома и близких людей, а пепелище. Из акта Ярославской районной комиссии по установлению и расследованию злодеяний немецко-фашистских захватчиков сообщается о массовой казни в поселке Михизеева Поляна 13 ноября 1942 года, в ходе которой было убито 207 человек, в том числе 29 граждан, эвакуированных, проживавших в этом поселке; 20 мужчин, 72 женщины и 115 детей. Фашисты окружили поселок и зачитали приказ о том, что жители

будут расстреляны за сотрудничество с партизанами. Невинные люди сами рыли себе могилы, после войны на этой территории обнаружили семь братских могил [8, с. 650].

Моральное состояние гитлеровского ополчения к концу 1942 года изменялось к худшему, ослабевала вера в свои силы и фашисты перестали позиционировать себя освободителями и благодетелями, зверства в отношении мирных жителей приумножились [17]. Они стали следовать тактике «выжженной земли», отбирали у советских людей последние продукты и любые вещи, мобилизация на каторжные работы в Германию стала в полной мере принудительной. В январе 1943 года газонепроницаемые фургоны под названием «душегубки», вмещавшие в себя 60–80 человек, загружались людьми по два-три раза в день [3]. Применение «газенвагенов» контролировал начальник тюрьмы капитан Раббе, а сопровождали ее служащие «Зондеркоманды СС-10-а».

На начальных этапах своей деятельности оккупанты скрывали чудовищный метод изживания советских людей в «душегубках», однако люди, проживавшие по соседству с зданием гестапо, вскоре стали понимать назначение этих машин. Когда о «газвагене» узнали арестованные, то при погрузке они стали оказывать сопротивление и издавали душераздирающие крики и вопли, вследствие чего фашисты стали заталкивать людей в машину насильственно, а спустя некоторое время после того, как машина трогалась с места, голоса стихали.

По данным очевидцев известно, что детей в возрасте от двух месяцев до четырнадцати лет обычно не расстреливали, а смазывали им губы ядом [8, с. 650].

В высшей степени тяжелой участь была у военнопленных, которых почти не кормили, не считали за людей и убивали без разбора. Акт городской комиссии города Кропоткина от 3-6 февраля 1943 года сообщает, что согласно приказу вермахта, красноармейцев при отступлении уводили с

собой, а те, у кого не оставалось сил идти дальше, пристреливали на улицах и добивали прикладами [17].

По данным документов за 30-е января 1943 года известно, что советские военнопленные содержались в опустошенном каменном здании Рождественско-Богородицкой православной церкви в станице Усть-Лабинской при температуре -20. Такое положение заставляло по 20–30 человек в день выбрасываться из окон. Те, кто выживал после этого, были расстреляны или забиты штыками – их насчиталось около 940 человек [8, с. 32].

Немало воспоминаний и документов осталось о таком шаге, как сожжение гитлеровцами здания гестапо в Краснодаре вместе с находящимися в нем тремястами узниками. «Зондеркоманда СС 10-А» подожгла здание при отступлении гитлеровцев из города, в этом пожаре погибли все, кроме одного человека, чья фамилия неизвестна, потому что он скончался от многочисленных травм и ожогов позже. Этот факт подтверждают свидетели – Рожкова, Доброва, Гажик и обвиняемый в предательстве Пушкарев [12, с. 2]. Павел Васильевич Кованов, работавший в годы войны военным корреспондентом, в своей книге «И слово – оружие» описывал увиденное: «Дом горит. Вместе с группой саперов пробираемся сквозь густой едкий дым в подвал... по сторонам длинного коридора открытые двери камер. На полу в лужах крови застывшие трупы. На многих тлеет одежда. Добираемся до конца коридора. В торце стены каменные шкафы – карцеры. В них можно было только стоять. Двери карцеров закрыты. Расстреливали через смотровое окошко. Мертвые стоят. Это забыть нельзя» [5, с. 165].

По данным краевой комиссии по установлению и расследованию злодеяний немецко-фашистских захватчиков, собранным на июнь 1945 года, в городе Краснодаре было замучено, задушено, сожжено и расстреляно 11472 человека, из них: мужчин – 4972, женщин – 4322, детей – 2178 [17].

В Новороссийске 15 сентября 1942 г. гестаповцы казнили рядом с клубом имени Маркова 20 девушек-комсомолок, 16 сентября 1942 г. они вывезли на Суджукскую косу на автомобилях от здания гестапо более 1000 вызывающих сомнение жителей и расстреляли. В Новороссийске более 7000 раненых и больных советских воинов и те, кто их укрывал, были жестоко убиты. На принудительные работы в Германию в пригородные концлагеря и в оккупированные районы были вывезены более 32 тысяч жителей. Немецкое командование постоянно модифицировало технику массового убийства людей, создавая крематории, «бани особого назначения», «газовые автомобили». В Ейске в течение двух дней отравили газами 214 детей Ейского детского дома – гитлеровцы беспощадно хватали детей, которые пытались убежать, и бросали в «душегубки». Всего в крае во время оккупации погибло около 62 тысячи человек [7].

Оккупанты не упускали повода отправить на поезде в Германию кубанскую пшеницу, муку, фрукты, мясо и другие продукты кубанской земли. Все это видели казаки и казачки, с нетерпением ожидая момента расплаты с врагом.

В станице Каневской в апреле 1943 года были проведены раскопки водоемов лубзавода, где обнаружено «более 200 человек, истерзанных и изуродованных до неузнаваемости, с выколотыми глазами, отрезанными носами и ушами, вырезанными звездами, со следами ударов тупым оружием и прикладами. Среди трупов взрослых мужчин и женщин обнаружено более 50 детей в возрасте от 2 до 14 лет... мужчин и женщин обнаружено более 50 детей в возрасте от 2 до 14 лет... [8, с. 45].

19 апреля 1943 г. Президиум Верховного Совета СССР издал указ № 39 «О мерах наказания для немецко-фашистских злодеев, виновных в убийствах и истязаниях советского гражданского населения и пленных красноармейцев, для шпионов, изменников Родины из числа советских граждан и для их пособников» (далее – указ Президиума ВС СССР 1943 г.) [13].

Судебные дела о фашистских злодеяниях, предательстве Родины и шпионаже рассматривались на военно-полевых судебных процессах. Военно-полевые суды создавались при военных подразделениях и состояли из председателя суда, начальника особого отдела дивизии и заместителя командира дивизии по политической части с участием прокурора дивизии. Приговоры утверждались командиром дивизии и приводились в исполнение немедленно [9].

Содействие местного населения и пленных красноармейцев вражеским силам с первых этапов войны жестоко каралось. Считалось, что ужесточение репрессивных мер положительно влияло на дисциплину в войсках и одобрялось населением [14, с. 162]. Уголовные дела данной категории рассматривались в упрощенном порядке.

Несмотря на распространение карательных мер в отношении пособников оккупантов и изменников Родины, вплоть до 1942–1943 гг. органам внутренних дел и государственной безопасности было нелегко выявлять и задерживать преступников данной категории, поэтому их судьбы решались внесудебными карательными акциями и диверсионно-террористическими мероприятиями. Так, согласно данным Управления НКВД Краснодарского края, с 30 августа 1942 г. по 20 января 1943 г. были обнаружены 827 предателей, пособников и шпионов оккупантов, из которых 34 человека уничтожены [8, с. 664]. Также были распространены в тылу врага партизанские суды, которые признавали виновными и казнили по «приговорам» лица, совершившие преступление против советских граждан [14, с. 163].

Всевозможные меры проводились для выявления и наказания военных преступников. С 16 по 19 февраля 1943 г. в Краснодаре милиция и войска НКВД осуществляли проверку домов на предмет наличия скрывающихся военнопленных, шпионов, дезертиров. В ходе проверки были задержаны 407 человек, а за 26 дней сотрудники Управления НКВД арестовали 692 человека [14, с. 163]. В целом за первую половину 1943 года по итогам оперативно-

следственной работы Управления НКГБ Краснодарского края было арестовано 13495 человек: 4233 человека составляли полицейские, следователи и сотрудники репрессивных оккупационных органов. Не избежали наказания административные работники, служившие интересам фашистов, – старосты, бургомистры и другие. Следствие, проведенное по 11711 делам, заключило следующее: 2344 человека освободили, 6680 вражеских пособников осудили, 972 человека приговорили к высшей мере наказания, 19 – к повешению [9].

17 июля 1943 года восемь подсудимых были приговорены к казни через повешение, а трое – к двадцати годам каторжных работ. Оглашение приговора вызвало долгие аплодисменты [15, с. 2].

18 июля 1943 г. в 13:00 на городской площади Краснодара произошла казнь подсудимых с висящими на них табличками «Казнен за измену Родине» при 30–50 тысячах жителей города и ближайших станиц [9].

Военный совет по предложению трибунал Северо-Кавказского фронта принял решение публиковать приговоры о казнях военных преступников. По мнению органов власти, данная мера могла бы вселить уверенность в умы советских людей в том, что их истязатели не останутся безнаказанными. Во второй половине 1943 года открытые суды и казни предателей прошли в станицах Гостагаевской (21 октября), Марьянской (31 октября и 25 ноября) и в других районах Кубани. Данные мероприятия по установлению справедливости получили широкий общественный резонанс, в том числе и за границей.

Из выступления секретаря крайкома ВКП (б) И.И. Поздняка:

«Мы обязаны на этих фактах зверства, на этих чудовищных фактах останавливать внимание людей, разъяснять это. Не должно быть ни одного факта, неосвещенного и нерассказанного. А с этим у нас пока что плохо, и в печати этому уделяется мало внимания. Потери огромны, и вина здесь не только фашистов и милитаристов. Немало ошибок и просчетов было у советского военного командования. Бывало, что достигали успеха не только

умением, но и числом и усеивали поля телами своими, выполняя порой бессмысленные приказы растерявшихся или испугавшихся наказания командиров. Но память о погибших, замученных, отравленных, сожженных в крематориях, задушенных в газовых камерах, умерших от голода и холода священна и неприкосновенна» [6, с. 50].

Список используемой литературы:

1. ГАКК. Ф. Р. 1246. Оп. 1. Д. 407. Л. 4.
2. ГАКК. Ф. Р. 897. Оп. 1. Д. 1
3. ГАКК. Ф. Р. 897. Оп. 1. Д. 2
4. Екатеринодар–Краснодар: Два века города в датах, событиях, воспоминаниях... Материалы к Летописи. – Краснодар, 1993.
5. *Кованов П.В.* И слово – оружие / П.В. Кованов. – М.: Советская Россия, 1975. – 208 с.
6. Кубань в Великой Отечественной... 1941–1945. – Краснодар: ГУП «Печатный двор Кубани», 2000. – 184 с.
7. Кубань в годы Великой Отечественной войны // Кубань – ты наша Родина. URL: <http://kuban.h1n.ru/economy-6.htm> (дата обращения: 12.04.2020).
8. Кубань в годы Великой Отечественной войны. 1941–1945: рассекреченные документы. Хроника событий: в 2-х кн. / Управл-е по делам архивов Краснодарского края; Управл-е Федеральн. службы безопасности России по Краснодарскому краю; Центр документации новейшей истории Краснодарского края; Госуд. архив Краснодарского края сост. А.М. Беляев, И.Ю. Бондарь. 3-е изд. – Краснодар: Диапазон-В, 2011. (История без мифов). – Кн. 1: Хроника событий. 1941–1942 гг. – 816 с.
9. *Михневич А.В., Сокол А.В.* Политико-правовые особенности Краснодарского процесса 1943 года над пособниками немецких оккупантов // Вестник КРУ МВД России. – 2018. – № 4(42). URL: [https://cyberleninka.ru/article/n/politiko-pravovye-osobennosti-krasnodarskogo-](https://cyberleninka.ru/article/n/politiko-pravovye-osobennosti-krasnodarskogo)

protssessa-1943-goda-nad-posobnikami-nemetskih-okkupantov (дата обращения: 12.10.2019).

10. *Михневич А.В., Сокол А.В.* Политико-правовые особенности Краснодарского процесса 1943 года над пособниками немецких оккупантов // Вестник КРУ МВД России. – 2018. – № 4(42). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/politiko-pravovye-osobennosti-krasnodarskogo-protssessa-1943-goda-nad-posobnikami-nemetskih-okkupantov> (дата обращения: 12.04.2020).

11. Нюрнбергский процесс: сборник материалов в 8-ми томах. – М.: Юридическая литература, 1987. –Т. 1. – 688 с.

12. О злодеяниях немецко-фашистских захватчиков в гор. Краснодаре и Краснодарском крае: Сообщение Чрезвычайной Государственной Комиссии по установлению и расследованию злодеяний немецко-фашистских захватчиков и их сообщников и причиненного ими ущерба гражданам, колхозам, общественным организациям, государственным предприятиям и учреждениям СССР [от 23 июля 1943 г. № 19] // Колхозная правда. – 1943. – 23 июля.

13. О мерах наказания для немецко-фашистских злодеев, виновных в убийствах и истязаниях советского гражданского населения и пленных красноармейцев, шпионов, изменников Родины из числа советских граждан и их пособников: указ Президиума Верховного Совета СССР от 19 апр. 1943 г. № 39. URL: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi> (дата обращения: 20.04.2021).

14. *Степаненко С.Г.* Судебные процессы над военными преступниками и их пособниками как акт реализации норм международного гуманитарного права (на материалах краснодарских судебных процессов 1943–1974 гг.) // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. – 2010. – № 1(5). – С. 162–167.

15. Судебный процесс по делу о зверствах немецко-фашистских захватчиков и их пособников на территории гор. Краснодара и Краснодарского края в период их временной оккупации [от 23 июля 1943 г. № 19] // Колхозная правда. – 1943. – 23 июля.

16. *Терещенко А.* Чистилище СМЕРШа. Сталинские «волкодавы». – Эксмо, 2016.

17. *Чопова В.Е.* Преступления немецко-фашистских захватчиков на территории города Краснодара и Краснодарского края в период временной оккупации региона (1942–1943) // Вопросы науки и образования. – 2016. – №1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/prestupleniya-nemetsko-fashistskih-zahvatchikov-na-territorii-goroda-krasnodara-i-krasnodarskogo-kрая-v-period-vremennoy-okkupatsii> (дата обращения: 12.04.2021).